

Пространство кинотеатра разделялось на пять четких секторов.

Первый — зона объединенного мира, где причудливым образом переплелись вселенные «Магической битвы», «Детектива Конана» и «Принца тенниса». Здесь собрались все персонажи, когда-либо вовлеченные в эту историю.

Второй — оригинальный мир «Магической битвы» эпохи двадцать восьмого года жизни Годжо Сатору. Юдзи Итадори только поступил в Токийский магический колледж, Сугуру Гэто уже был мертв, но его душа, как и души Дзэнъина Тодзи, Ю Хайбары и Рико Аманаи, присутствовала здесь в виде призрачных, слегка светящихся силуэтов.

Третий — параллельный мир «Магической битвы», где родился Годжо Хара, но никогда не существовало Сатору. В этой реальности многие погибли, и теперь их духи безмолвно созерцали происходящее.

Четвертый — мир «Детектива Конана», собравший непримиримых соперников: от представителей «красного» лагеря до зловещих фигур в черном. Время действия соответствовало периоду, когда Синъити Кудо уже превратился в Конана Эдогаву. Погибшие офицеры полицейской академии присутствовали здесь в виде безмолвных призраков.

Пятый — мир «Принца тенниса», чистая спортивная реальность, не затронутая проклятиями.

Годжо Хара изнывал от скуки, восседая в кресле главы клана и слушая заунывные отчеты старейшин о делах уходящего года. В следующее мгновение реальность дрогнула. Помещение бесследно растаяло, и Хара обнаружил себя в исполинском кинозале. Перед ним раскинулся колоссальный, во всю стену экран, а перед ним стройными рядами уходили вдаль бесчисленные зрительские кресла.

Сам Хара оказался в самом центре — в первой зоне.

Рядом с ним, развалившись в кресле, сидел его младший брат Сатору. Одетый в свободную домашнюю одежду, он лениво зевал, поправляя темные очки. Смахнув выступившие на ресницах слезинки, Сатору удивленно огляделся. Его чистые, невероятно яркие голубые глаза сияли детским любопытством.

— Я же только что спать лег... — пробормотал Сатору. — Как я здесь оказался? Брат? Сугуру, Сёко... Эй, почему здесь все?

Обычно Хара ловил каждое слово брата, но сейчас он проигнорировал его. Взгляд Хары намертво прикипел к третьему сектору.

Там, на одном из кресел параллельного мира, сидел мужчина в традиционном темном одеянии главы клана Годжо. У него были длинные белоснежные волосы и лицо... в точности как у самого Хары. Идентичной оказалась даже аура проклятой энергии.

Разница крылась лишь в выражении лица. Хара привык носить безупречную маску мягкой, обходительной улыбки. Человек же напротив дышал ледяным высокомерием. Он восседал на своем месте подобно безучастному божеству, созерцающему копошение смертных с вершины небесного престола.

Самозванец. Ничтожество, посмевшее примерить его облик.

Хара не колебался ни секунды. Он не мог допустить, чтобы Сатору усомнился или хотя бы разглядел это существо.

Рванувшись с места, Хара вскинул руку. Мгновенное, смертоносное Обратное вращение проклятой техники: Красный сорвалось с его пальцев, неся в себе чистую жажду убийства. Чтобы гарантированно стереть ублюдка с лица земли, Хара влил в удар колоссальный объем проклятой энергии, совершенно не заботясь о безопасности тех, кто сидел рядом с его двойником.

Чудовищная проклятая сила тяжелым прессом навалилась на зал. Люди, никогда прежде не сталкивавшиеся с магией, оцепенели, едва дыша под гнетом этой колоссальной мощи. Не успев опомниться от внезапного переноса, они с ужасом созерцали внезапно вспыхнувшую схватку.

Однако мужчина в черном кимоно даже не шелохнулся. Его ледяные Шесть Глаз, подобные замерзшему озеру, безучастно скользнули по летящему снаряду.

Обратное вращение проклятой техники: Красный с грохотом врезалось в невидимый барьер и мгновенно угас, не причинив цели вреда. Беловласый незнакомец лишь слегка приподнял подбородок, готовясь нанести ответный удар, но в этот момент по залу пронеслась мягкая, но непреодолимая ментальная волна.

В сознании каждого присутствующего беззвучно, но отчетливо запечатлелось послание:

[Добро пожаловать в Межмировой кинозал]

[Зрители из разных секторов принадлежат к разным вселенным]

[Убедительная просьба сохранять хладнокровие при встрече со своими двойниками из параллельных миров. Это естественное явление]

[В пределах кинозала применение силы и убийства строго запрещены]

****[Пожалуйста, соблюдайте порядок и наслаждайтесь просмотром]****

Единственный, кто успел проявить агрессию и попытаться совершить убийство в первые же секунды, — Годжо Хара — мысленно скривился. Намек был более чем прозрачным.

Тем не менее, он послушно усмирил бушующую проклятую энергию, хотя и не сводил пристального взгляда со своего двойника.

«Параллельные миры, значит?»

Хара инстинктивно огляделся вокруг своего двойника в поисках Сатору из того мира. Однако рядом со вторым Харой сидели лишь смутно знакомые люди, а вот альтернативного Сатору нигде не было видно. Более того, многие фигуры в третьем секторе казались полупрозрачными — очевидно, это были бесплотные духи.

Сатору приставил ладонь к козырьку лба, забавно вытягивая шею:

— Ого! Другие миры? Двойники? Брат, неужели тот угрюмый тип — это ты из параллельной реальности? А где же я? Где мой двойник?

В этот момент во втором секторе высокий мужчина в черной повязке на глазах и со странной прической, напоминающей воланчик для бадминтона, весело вскинул руку, точно прилежный ученик на уроке:

— Я здесь!

Сатору опустил руку, сдвинул темные очки на кончик носа и уставился на подозрительного «воланчика». Проклятая энергия и врожденная техника не оставляли сомнений — это действительно был он сам.

Лицо Сатору исказилось в гримасе искреннего отвращения:

— Да ладно? Это серьезно я? Ну и убожество... Как можно было запрячь мою божественную красоту под этой безвкусной тряпкой?

Альтернативный Годжо-сенсей с улыбкой стянул повязку. Непослушные белые пряди тут же рассыпались по плечам, открывая безупречное, невероятно красивое лицо. Он притворно вздохнул, изображая глубокую скорбь:

— Ах, это проклятие всех писанных красавцев! Если не прятать такое сокровище, проходу не дадут. Постоянные автографы, совместные фото, безумные фанатки по пятам... Я же просто невинный скромник, мне страшно! Вот и приходится жертвовать эстетикой ради покоя...

Сатору удовлетворенно кивнул, полностью разделяя эту точку зрения:

— В этом есть смысл. Если бы я ходил с открытым лицом постоянно, на улицах Токио ежедневно случался бы транспортный коллапс из-за аварий засмотревшихся водителей.

Годжо-сенсей согласно закивал, горделиво вздернув подбородок.

Хара, стоявший рядом с братом, наконец осознал реальность происходящего.

«Эта непробиваемая уверенность в собственной неотразимости... Да, они определенно из одного теста».

Сидевшие позади Годжо-сенсея ученики дружно изобразили рвотные позывы.

— Слишком много самовлюбленности, Годжо-сенсей, — буркнула Кугисаки Нобара.

— Меня сейчас стошнит от этой приторности, — добавил Мегуми.

Годжо-сенсей театрально прижал ладони к груди, изображая смертельную обиду:

— Что?! Неужели вы не считаете своего любимого учителя самым красивым мужчиной во вселенной?

Сатору не на шутку встревожился:

— Кошмар! Твои ученики тебя совсем не уважают?

Он с гордостью повернулся к первому сектору, где сидели его собственные подопечные — Нобара, Мегуми и Юдзи:

— То ли дело мои! Они меня просто обожают. Ну-ка, ребятки, подтвердите: ведь ваш Сатору-сенсей — самый лучший и самый красивый в мире?

Нобара очень хотела сказать, что первое место безоговорочно принадлежит Харе, но, натолкнувшись на тяжелый, многозначительный взгляд самого Хары, быстро исправилась:

— Да-да! Наш Сатору-сенсей самый красивый на свете!

— Самый-самый! — тут же вскинул руку Итадори Юдзи.

Фусигуро Мэгуми отчаянно не хотелось участвовать в этом балагане, но под давлением безмолвной угрозы, исходившей от Хары, он выдавил из себя унылое:

— Угу. Самый красивый.

Остальные студенты под чутким присмотром старшего брата выдавали дежурные деликатные улыбки и заученные кивки, отчего Сатору окончательно возгордился, мысленно задрав нос до небес.

— Полное поражение, Сатору, — раздался тихий, насмешливый голос.

Полупрозрачный Гэто Сугуру, одетый в буддийское облачение, сидел неподалеку от Годжо-сенсей. Несмотря на призрачное состояние, он с явным удовольствием наблюдал за фиаско своего друга.

Годжо-сенсей обернулся к нему. На мгновение его взгляд задержался на полупрозрачных очертаниях Гэто, но он мгновенно скрыл нахлынувшие чувства за привычным паясничаньем:

— Сугуру! Ну хоть ты скажи им! Я ведь самый красивый? Я не могу проиграть какому-то там двойнику!

Призрачный Гэто мягко улыбнулся:

— Вообще-то, самый красивый здесь я. Забыл, что во время наших совместных прогулок девушки чаще подходили знакомиться именно ко мне? Смирись, Сатору.

Сатору, видя, как его альтернативную копию поднимают на смех, залился искренним хохотом. Затем он ткнул локтем сидевшего рядом Гэто Сугуру из своего мира, который ныне занимал пост председателя Ассоциации магов:

— Сугуру, ну скажи, ведь я у тебя самый лучший красавчик?

Живой Гэто Сугуру из первого сектора собирался было привычно съязвить, но почувствовал, как на его затылке сфокусировался ледяной взгляд Годжо Хары. Мысленно сопоставив объемы неразобранных документов на своем рабочем столе и стремительно редющую шевелюру, Сугуру с тоской посмотрел на роскошный пучок волос своего призрачного двойника. В конце концов, перед лицом непреодолимой тирании старшего брата Годжо гордость пришлось умерить:

— Да, Сатору. Ты самый красивый.

Этот безжизненный, покорный тон не оставлял сомнений — беднягу заставили сказать это под

дулом пистолета.

Но Сатору было все равно. Главное — слова прозвучали. Он бросил на Годжо-сенсея победный, торжествующий взгляд.

Годжо-сенсей драматично схватился за голову:

— Сугуру! Твой двойник что, лишился рассудка?

Призрачный Гэто уставился на живого коллегу с не меньшим изумлением:

— Эй, приятель. Какую взятку тебе дали, чтобы ты так нагло врал в лицо?

Гэто Сугуру из первого мира лишь горько усмехнулся:

— Всего одна фраза — и мне подпишут заявление на отпуск. Поверь, это чертовски выгодная сделка. Я сыт по горло этой бесконечной работой! Проклятая свехурочина...

Он даже не сдержался и тихо выругался.

Услышав из уст уважаемого председателя грубое слово, Годжо-сенсей и призрачный Гэто переглянулись.

— Определенно, это какой-то самозванец, — вынес вердикт Годжо-сенсей.

— Согласен. Я бы никогда не опустился до такого, — кивнул призрак.

Перепалка между первым и вторым секторами приковывала к себе внимание всего зала. Стычка, устроенная Харой в самом начале, заставила всех затаить дыхание, но теперь, глядя на то, как величайшие маги спорят о том, кто из них милее, зрители из других миров лишь недоуменно качали головами.

«И эти люди считаются сильнейшими?» — читалось в их глазах.

К счастью, балаган прервался. Огромный экран на стене вспыхнул ровным светом. Тот же безликий голос в головах возвестил, что показ начинается с истории первого мира.

Зрители зашумели. Кто-то пытался пересечь поближе к знакомым из других секторов, но неведомая мягкая сила аккуратно, но настойчиво вернула всех на свои места. Подняться с кресел стало физически невозможно.

— Что же, посмотрим, — негромко произнес Годжо Хара, откидываясь на спинку кресла. — Интересно, какие цели преследует кукловод этого театра.

Экран тем временем показал коридор больницы перед дверью родильного отделения.

Едва заведев взволнованного мужчину, мечущегося перед дверью, Хара и Сатору замерли.

Они мгновенно узнали его. Это был их отец, Годжо Сэйити.

Картина была ясна: им предстояло увидеть собственное рождение.

Из палаты донесся испуганный крик акушерки. Сэйити, наплевав на запреты, ворвался внутрь и застыл. На руках у медсестер лежали двое новорожденных младенцев. Малыши одновременно открыли глаза, и комнату затопило сияние двух пар безупречных лазурных Шести Глаз.

В клане Годжо родилась легенда.

Однако радость присутствующих старейшин быстро сменилась глухим беспокойством. Рождение Шести Глаз должно было ознаменовать триумф, но появление близнецов пугало.

Старший старейшина Годжо, нахмурившись, тихо высказал страшную мысль: избавиться от одного из младенцев, чтобы сила Шести Глаз досталась выжившему в полной мере.

Во втором секторе Годжо-сенсей удивленно приподнял брови. Он знал, что в первом мире у него есть брат-близнец, но не думал, что они оба родились с полноценными Шестью Глазами.

В его мире близнецы считались проклятием. Разве правила проклятой энергии могли допустить существование двух безупречных носителей величайшего дара одновременно?

Пока зрители из обычных миров недоумевали, почему старик на экране предлагает убить новорожденного ребенка, Дзэнъин Май из первого сектора решила пояснить:

— В мире магов близнецы считаются неделимым целым. Небеса воспринимают их как одного человека, из-за чего врожденный талант делится пополам. Сила каждого из них урезается. Старейшины испугались, что обе пары глаз окажутся дефектными.

Май невольно бросила взгляд на свою сестру Маки. Они годами несли на себе клеймо этого проклятия. Одной не хватало проклятой энергии, другой — физической мощи Небесного

проклятия. Лишь разделившись, они оставались блеклыми тенями истинной силы.

Маки мягко сжала ладонь сестры, подбадривая ее безмолвной, теплой улыбкой.

Обычные люди из мира «Детектива Конана» и «Принца тенниса» были шокированы:

— Убить младенца только из-за предрассудков? Да они там совсем дикари!

На экране события развивались стремительно. Любовь Сэйити к сыновьям заставила его умолять главу клана и старейшин о пощаде. Клан решил понаблюдать, кто из мальчиков окажется сильнее, и оставил обоих в живых, поместив под строжайшую охрану.

Близнецов называли Хара и Сатору.

Малыши лежали в одной колыбели. Белокурые, с чистыми голубыми глазами, они выглядели очаровательно, но Шесть Глаз без их ведома уже поглощали колоссальные объемы информации из окружающего мира, перегружая неокрепший мозг.

Маленький Сатору жалобно заплакал от боли.

Маленький Хара повернулся к брату.

— Ох, какими же они были лапочками! — слышались умиленные вздохи из зала. — Сатору-сенсей в детстве такой милашка, когда плачет!

— Какая прелесть! Хочется обнять их обоих! Господин Хара, Сатору-сенсей, какого цвета мешок вам приготовить, чтобы забрать вас домой? — в шутку крикнул кто-то из студентов.

Сатору весело подхватил игру:

— Никаких мешков! Только дизайнерские сумки. Мне синюю, а брату — розовую!

Хара задумчиво повернулся к нему:

— Тебе нравятся синий и розовый цвета, Сатору? Хорошо, я велю сшить для тебя пару костюмов в этой гамме.

Сатору осекся, мгновенно представив себя в розовом фраке, и поспешил перевести тему:

— Смотрите, ракурс меняется!

И действительно, объектив «камеры» на экране сместился, и зрители увидели происходящее глазами маленького Хары.

На экране плакал крошечный Сатору. Но эта картинка, в отличие от беспристрастного взгляда со стороны, словно прошла сквозь призму невероятно теплого, любящего восприятия. В каждом кадре сквозила безграничная нежность. Зрители физически ощутили ту глубокую, почти сакральную связь, которую новорожденный Хара испытывал к своему брату — как к своей душе, разделенной надвое.

Невероятный накал эмоций для младенца, едва пришедшего в этот мир.

Годжо Хара слегка нахмурился, глубже уходя в кресло. Ему не нравилось, что его личные, сокровенные чувства к Сатору выставляются на всеобщее обозрение.

Сам же Сатору сидел рядом, смущенно пряча лицо в ладонях:

— Ну надо же... Брат, ты, оказывается, полюбил меня с первой секунды! Это так мило, мне даже неловко! — Он заерзал на сиденье, пытаясь скрыть за хвостовством подступившую краску к щекам.

Соседний Годжо-сенсей лишь тихо фыркнул.

Подумаешь, брат-близнец. Словно быть единственным ребенком в семье — это так плохо. Но в глубине души его что-то зацепило.

Сюжет на экране сменился драмой. Ослабевшую после родов госпожу Годзё лишили возможности даже взглянуть на сыновей. Когда она пришла в себя, ей сухо сообщили, что дети признаны божественными наследниками и их воспитанием займется лично глава клана. Ей запретили приближаться к ним.

Мать была раздавлена. Она умоляла мужа помочь, но Сэйити лишь холодно отрезал:

— Эти дети принадлежат не нам, а клану. Их рождение — великая честь. Не смей устраивать глупых сцен, иначе нас обоих жестоко накажут!

Бессильная против воли мужа и гнета клана, женщина угасала день за днем, погружаясь в тяжелую депрессию.

Сэйити же, хоть и раздавал жене наставления, сам мечтал использовать сыновей ради личной выгоды. Он надеялся втереться к ним в доверие, чтобы в будущем через них управлять кланом. Но старейшины быстро раскусили его амбиции. Получив щедрые отступные, Сэйити без сожалений покинул поместье, напрочь забыв о больной, запертой в четырех стенах супруге.

Госпожа Годзё пыталась пробраться к детской комнате, но стража не подпустила ее. Старейшины методично ломали ее волю, внушая, что ее присутствие навредит будущим богам клана.

Сломленная разлукой и одиночеством, несчастная женщина слегла и через несколько лет умерла, так и не подержав своих сыновей на руках.

В зале повисла тяжелая, гнетущая тишина.

Хара и Сатору знали, что их мать умерла от болезни, но они и представить не могли, какая трагедия скрывалась за ее смертью. Пусть они никогда не знали ее тепла, эта сцена отозвалась глухой болью в их сердцах.

Сатору сжал кулаки, в его голосе закипела ярость:

— Гнилые мандарины... Твари.

Он отчетливо запомнил лица старейшин, издевавшихся над его матерью. По возвращении он лично переломает им кости.

Хара мягко коснулся его плеча:

— Сатору, успокойся. Большинство из них уже давно мертвы.

Те, кто жаждал власти и пытался ограничить влияние матери на будущих Шестиглазых, были первыми, кто попытался оспорить право молодого Хары на управление кланом много лет назад. И Хара избавился от них без тени сомнения.

Сатору шумно выдохнул:

— Жаль... Легко отделались.

Во втором секторе Годжо-сенсей сидел неподвижно, уставившись в экран. Его Шесть Глаз лихорадочно анализировали увиденное.

«Неужели моя мать... погибла так же?»

Он никогда не задумывался об этом, принимая сухие доклады клана на веру. Теперь же в его душе зародилось опасное подозрение. По возвращении в свой мир ему определенно придется провести генеральную уборку в архивах Годзё. Его Шесть Глаз скользнули по фигурам старейшин из своего сектора — тех самых влиятельных лиц клана, которые вечно лезли к нему с поучениями и запретами. Скоро их мирная жизнь закончится.

<http://bllate.org/book/19549/2004407>